

ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ

Естественность невозможного

Вторжение России в Украину, которое сейчас приказано называть «спецоперацией», мало кто решался предсказать. Еще меньше людей готовы сейчас признать его естественным и логичным – практически все ссылаются на фобии президента Владимира Путина, ошибки военного командования и неправильные оценки последствий со стороны российской элиты. Я был одним из тех, кто не верил в вероятность такого развития событий в 2022 году, но при этом считал, что российская история, несомненно, вернется к нам новой попыткой имперского строительства, которая в современных условиях может быть только насильственной.

Открывая свою колонку в «НЗ», которая будет выходить под названием «Имперские хроники» (отсылающим нас и к описанию текущих событий, и к восприятию российской элиты как

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ

003

хронически больной имперскими ре-минисценциями), я повторю некоторые исходные пункты своего подхода, изложенного в недавно вышедшей книге «Бесконечная империя»¹, но особенно подробно остановлюсь, разумеется, на событиях последних недель и месяцев.

* * *

Россия, на мой взгляд, представляет собой империю *per se*. Она формировалась как колониальная империя, складывавшаяся вокруг Москвы и всего за 160 лет подчинившая себе огромные территории на востоке – от Казани и Астрахани до Восточной Сибири – при минимальном расширении в западном направлении. Московиты в XV–XVII веках сделали практически то же самое, что и европейцы: с относительно небольшими усилиями они завоевали значительные пространства, начали поселенческую колонизацию и существенно увеличили богатства казны.

Когда Московская империя уже сложилась как суперцентрализованное и во многом теократическое государство, к ней были присоединены земли, составлявшие ядро Древней Руси: значительная часть современной Украины и Беларуси. Ко второй половине XVII столетия расширившееся государство превратилось из Московии в Россию и через полвека начало новый раунд экспансии в южном направлении: сначала в сторону Черного моря и Закавказья, а позже – Северного Кавказа и Центральной Азии.

Сложившийся гигантский политический конгломерат стал Российской империей, то есть империей, созданной вокруг России, которая, повторю, сама являлась воплощением Московской им-

перии. Границы метрополии и колоний стерлись, но при этом большая часть территорий, обретенных в XIX столетии (от Польши и Финляндии на северо-западе до Кавказа на юге и Центральной Азии на юго-востоке), не была колонизирована: русское население в них всегда оставалось меньшинством, в отличие от Поволжья, Урала и Сибири. Таким образом, к началу XX века сложилась ситуация, уникальная для европейских колониальных империй. Если Британия, Франция или Испания сначала теряли свои поселенческие колонии, а затем начинали собирать «вторые империи» из территорий, которые они контролировали в основном военным образом, то в Российской империи и колонии, и владения были соединены в единое целое.

Россия, в отличие от европейских держав, не имела опыта утраты колониальных владений и не понимала разницы между *colonies* и *possessions*. Эти особенности стали основными в пертурбациях первой трети XX столетия: стремление сохранить империю было столь сильным, что ради этого можно было отказаться от ее «российской» природы, провозгласив не имевший явной национальной окраски Советский Союз и даже постулировав возможность свободного выхода территорий из тоталитарного государства. До поры до времени это работало, но после того, как в 1940–1970-е европейские империи распались, перспектива российской, на мой взгляд, была предрешена. Крах империи случился на рубеже 1980–1990-х – причем он стал не менее необычным, чем ее возникновение.

Двумя главными особенностями распада стало то, что, с одной стороны, сложность имперской конструкции не уменьшилась и, с другой стороны,

1 См.: Абалов А., Иноземцев В. *Бесконечная империя: Россия в поисках себя*. М.: Альпина Паблишерс, 2021.

от империи отделились те части, которые несколько сот лет воспринимались в качестве естественного элемента метрополии. Первый момент касался прежде всего Северного Кавказа: территории, завоеванные в ходе кровавых войн XIX века, имевших признаки геноцида (воспроизведенные, кстати, и в середине XX столетия), с долей русского населения, сопоставимой с численностью европейцев в Индокитае или Малайе, были включены в состав нового российского государства, которое, как и прежде, оказалось состоящим из условной метрополии, поселенческих колоний и административно контролируемых культурно чуждых территорий. В отличие от европейских метрополий, которые, потеряв заморские владения, вернулись к границам своих национальных государств XVI–XVIII веков, Россия ничего подобного не испытала.

Второй момент касался Украины и Беларуси: эти два новых независимых государства являлись историческими колыбелями Древней Руси и важнейшими элементами России в ее прежнем имперском понимании. Принять их отделение от Российской Федерации по сути означало согласиться с тем, что последняя представляет собой новую Московию в цивилизационных границах первой половины XVII века, что для начинавшей отсчет нового исторического времени страны было тождественно невиданному унижению.

На этом я закончу краткий конспект упомянутой книги и перейду к оценкам, касающимся недавних событий.

* * *

Распад Российской империи в ее советской реинкарнации не мог стать относительно малозаметным событи-

ем для народа и элит постсоветских государств – и прежде всего Российской Федерации. Россия явно не смогла найти баланса между статусом наследницы империи и возможностью превращения в современную нацию. Первый требовал оправдания слова «российский» или «русский» и защиты «соотечественников», причем прежде всего в областях максимального исторического влияния. (Прецедент случился уже весной 1992 года в Приднестровье, а в последующие годы Москва защищала – или, точнее, «защищала» – своих единоплеменников от Украины до стран Балтии при полном безразличии к их судьбе в Центральной Азии и на Южном Кавказе.) Вторая требовала переустройства государственности и отказа от недобровольной формы ассоциации, но пойти на это Кремль не решился: сначала он превратил Федеративный договор 1992 года в часть Конституции, чем фактически лишил федерацию ее договорной природы, а затем и вовсе начал войну с Чеченской Республикой, этот договор не подписавшей и потому частью федерации не являвшейся. Уничтожив «независимую Ичкерия» в период с 1994-го по 2002 год, Россия сделала первый шаг к своему восстановлению в качестве империи, а не нации.

На мой взгляд, именно из событий 1994–2002 годов протягивается прямая линия к нынешним кровавым событиям в Украине. Победа в Чечне позволила Москве заняться консолидацией имперской власти в стране и устранением «пережитков федерализма». За последовавшие двадцать лет были фактически отменены прямые выборы глав субъектов федерации и установлено право президента назначать «и.о.» таковых на длительный срок по собственному усмотрению; унифицировано законодательство и изменена бюджетная

система, которая сегодня серьезно перекошена в сторону федерального центра; ликвидированы свобода политической деятельности и независимая пресса; серьезно сокращены рамки культурной и языковой автономии. Практически любые стремления к возрождению национального самосознания народов России сегодня рассматриваются как экстремистская деятельность. Империя – политическая и экономическая – внутри российских границ снова стала реальностью, а московская и российская имперскость на протяжении столетий, как я отмечал раньше, характеризовалась прежде всего тем, что территория государства могла только расширяться, а ни общество, ни власть не обладали присущим европейским империям опытом последовательных расширений и сжатий.

Совершенно очевидно, что после утверждения новой имперскости в новой Московии должна была начаться и реконкиста бывшей Российской империи – вопрос заключался только в сроках начала и в формах реализации данного процесса. Надо признать, что Кремль начал действовать в этом направлении весьма осторожно и осмотрительно. Первым шагом стало сближение с Беларусью, ускорившееся в том числе и по причине прихода к власти в Минске первого на постсоветском пространстве квазисоветского политика в лице Александра Лукашенко. Однако даже это обстоятельство не отменяет того факта, что именно Москва, причем в крайне важные для нее моменты времени – незадолго до сомнительных президентских выборов 1996 года и в канун операции «Преемник» в 1999-м, – инициировала важные шаги в сфере интеграции России и Беларуси.

После завершения «внутренней реконкисты» в Чечне процессы начали

развиваться быстрее. В 2003 году Россия попыталась мирно «федерализировать» Молдову и превратить Приднестровье в ценный актив, способный в случае необходимости блокировать решения Кишинева (ровно по такой же схеме были организованы в 2014–2015 годах «Минские соглашения»). Однако в 2008 году в Грузии события приняли другой оборот: Москва впервые применила силу за пределами собственных границ, а также признала «непризнанные» республики суверенными государствами. В 2014-м был сделан следующий шаг: состоялось не только отторжение Крыма от Украины, но и включение его в состав России. С этого времени заявку на создание новой Российской империи можно было считать поданной.

* * *

Я, разумеется, не могу себе представить, чем на самом деле руководствуются сегодня в своих действиях российские вожди – однако, если учитывать сферу и направление их геополитических интересов, выстраивается довольно четкая картина.

Развитие постсоветской России в целом определяется двумя особенностями ее политической элиты. С одной стороны, она сформировалась в годы упадка советской империи и в самый тяжелый период развития новой российской государственности – и поэтому максимально противится любой тенденции, так или иначе направленной на сокращение зоны собственного контроля (именно поэтому уход Чечни представлялся совершенно неприемлемым). С другой стороны, на нее давит ощущение истории (Путин вовсе не случайно увлекся прошлым, хотя в его задачи входило прежде всего думать о будущем):

ощущая себя российскими правителями, обитатели Кремля не могут отказаться от концепта «исторической России» и перейти к политике московских князей. Возвращение в Московию (хотя оно во многом все-таки состоялось, если учесть, например, долю Сибири в российском экспорте и доходах казны) перечеркивает все заявки на тот статус, которым кичится наше руководство, и потому политически и идеологически неприемлемо. Оба обстоятельства говорят в пользу того, что Россия должна территориально расширяться – причем однозначно в западном направлении, в сторону расширения «метрополии», а не в восточном, где в лучшем случае можно найти только новые подчиненные, но все же чуждые территории (этим, кстати, объясняется относительное безразличие к «лежавшему у ног Москвы» в январе 2022 года Казахстану и помешанность на вовсе не собирающейся сдаваться даже перед лицом полномасштабного натиска Украине).

Чечня в начале 2000-х была для Кремля фактором, от которого зависело, сможет ли управляемое из-за высокой красной стены пространство называться государством. Украина в начале 2020-х является фактором, от которого зависит, сможет ли это пространство называться российским государством. Поэтому оба конфликта имеют принципиально важное значение и будут вестись либо до победы Кремля, либо до полного краха политической системы, созданной им за последние тридцать лет.

Между упомянутыми событиями есть огромные различия: чеченские войны велись в условиях, когда у российских граждан только формировались (или восстанавливались) имперские настроения, а нынешняя «спецоперация» –

когда они уже стали доминирующим мейнстримом. Но имеется и очевидное сходство. Столкновения Москвы с некоренными постимперскими регионами далеко не полностью поддерживались населением метрополии: в свое время Борис Немцов даже приносил в Кремль миллион подписей за прекращение войны в Чечне; а в первые недели сегодняшней операции в Украине ее поддержка также была не безусловной. На начальных этапах армия пыталась действовать «с наскока», будучи уверенной в относительно легкой победе; однако это оборачивалось поражением, и только потом начинались более серьезные и жестокие военные действия, обеспечивавшие перелом ситуации (именно это, по крайней мере в форме попытки, сейчас происходит в Украине). Однако по мере того, как война и в первом, и во втором случаях рутинизировалась и превращалась в норму, у населения пропадала оппозиционность, а неудачи порождали лишь дополнительное стремление к победе, а не желание одуматься. Иррациональные для XXI века имперские устремления формировали соответствующие общественные запросы, институты, пропаганду.

* * *

Збигнев Бжезинский был совершенно прав, когда ровно 25 лет назад писал, что «без Украины Россия перестанет быть евразийской империей»², но я бы тут не концентрировался, как это часто делали и делают, на слове «евразийской». Оно представляется мне сугубо вторичным, как и вся мертворожденная концепция евразийства. Главное – в том, что Россия действительно может про-

2 См.: BRZEZINSKI Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997. P. 46.

должать осознавать себя как империя только в том случае, если продолжит расширяться за пределы исторической Московии, и поэтому судьба постсоветской Украины была изначально предопределена, а нынешняя интервенция выглядит естественной и неизбежной.

Глубинный смысл проводимой Кремлем политики, на мой взгляд, не сложно понять. Он определяется тем фактом, что, пока Россия расширяется, сохраняя свои имперские притязания, она может продолжать управляться как империя: с оторвавшейся от периферии столицей; с высасыванием природных богатств из колоний и направлением их на нужды политической верхушки; с подавлением стремления составляющих ее территорий к самоуправлению; с максимальным ограничением личных свобод подданных и демонтажом институтов правового государства. Империя, не разделяющая метрополию, колонии и владения, не может быть демократическим государством – это известно со времен Рима, которому империя явилась в виде монархии. Остановившись в своем расширении, любая империя либо разрушается (если только в ее основе не лежало сформировавшее национальное государство), либо редуцируется до границ этого государства.

Трагедия России и западня, созданная для нее самой ее историей, заключается

в том, что у нашей страны, похоже, не существует этой второй опции – просто потому, что империя в этой части мира появилась до формирования нации и оттого имперская идентичность заменила нам национальную. (Указанному процессу серьезно содействовала и религиозная составляющая, но это тема отдельной колонки.) Московская империя не хочет умирать – она тщится снова превратиться в Россию; однако в наши дни это, похоже, гораздо сложнее сделать, чем в XVII веке. Четыреста лет назад имперские формы существования политий были намного привычнее и расширение одних империй на фоне сокращения или краха других не вызывали глобальных катаклизмов. Сегодня же Россия выглядит настоящим Зомби, Восставшим из небытия и пытающимся воссоздать имперские структуры в мире, из которого они уже давно ушли.

Кремлевских политиков можно понять: они борются за единственно возможный мир, в котором для них есть место. Однако возможность победы в этой борьбе сейчас, похоже, определяется вовсе не ими. Атаковав Украину и попытавшись вернуть к жизни Российскую империю, Московская империя сделала очень высокую ставку. Она, как я попытался показать, не могла ее не сделать, но шансы на выигрыш пока выглядят невысокими...